

ДНЕВНИК
ЗОИ
ХАБАРОВОЙ

Свой дневник Зоя начала вести ещё за два года до оккупации фашистами Крыма, когда ей было всего 12: «Я всегда была скрытная, даже в семье чувствовала себя одинокой, мне не хватало родительской ласки, дневник стал моим другом...» Отец работал в ялтинской поликлинике зубным врачом, мама - главным бухгалтером в санатории «Аэрофлот». Начальником санатория был Виктор Иванович Мальцев, часто упоминаемый в дневнике, - впоследствии он стал командующим авиацией у генерала Власова, в 1946 году казнён. На Зоиных страницах мы встречаем внуку Багратиона, вдову Айвазовского, которая жила в одном доме с Хабаровыми; видим, как буквально рекой льётся по тротуарам массандровское вино, вылитое из хранилищ, чтобы не досталось врагу...

Сама Зоя после драматических кратких записей на последней странице - арест родителей по надуманному обвинению, по 58-й статье, высылка бабушки с дедушкой - скитается по знакомым, работает в военном госпитале. С запиской от следователя по делу родителей: «Помоги этой девочке. Это самая большая ошибка в моей жизни», адресованной знаменитому московскому адвокату Фальку, берущему баснословные деньги за выступление, она едет в столицу. Фальк действительно помогает, бесплатно. Родители на свободе. Зоя идёт учиться на доктора. Дочери бывших заключённых это было невозможно, но дочери Александра Хабарова помогли те, кого он в годы оккупации спас из лагерей: под видом страдающих зубной болью заключённых приводили к врачу, в кабинете Хабарова они переодевались в гражданскую одежду и растворялись затем в толпе, а в лагерь под конвоем в их робах отправлялись красные комиссары. Восемь жизней спас отец Зои. Эти люди и помогли ей получить образование.

Вскоре Зоя переехала к мужу в Москву, родила двоих сыновей, проработала в стоматологии 55 лет, в лихие 90-е, уже на пенсии, принимая пациентов дома. Дневник, который тщательно прятала от родителей, часто потом порывалась уничтожить: «Я и не думала, что он представляет собой документ!» С помощью знакомых набрав текст на компьютере, Зоя Александровна ветхие странички однажды всё-таки выбросила... Уцелела одна: сейчас она в Керченском музее. Несколько страниц Зоя Александровна, ныне живущая в Новой Москве, печатать не разрешила: «Там про любовь, такую, которая меняет жизнь, такую, которой любит только душа, и более ничего... Напечатаете их, когда я умру».

1939 год

10 ноября. Папа решил окончательно нас увезти из Севастополя. Твердит одно - скоро война. Я не хочу уезжать.

17 ноября. Мама собирает вещи. Я прошу оставить меня хоть до ка-никул. Мама сердится. (...)

21 ноября. Вчера попрощалась с подругами и Верой Романовной. Завтра уезжаем. Кот Васька едет с нами. Как мне жаль расставаться с моим городом. Я ведь знаю здесь каждый дом. Аптека, где работала Александра Александровна. Там кроме лекарств есть кролики и морские свинки. Александра Александровна уехала в Ленинград раньше нас. Папа и ее уговорил уехать от войны. На углу у нас булочная. Там всегда горячий хлеб и вкусные слойки.

На углу нашей улицы и Карла Маркса стоят лошади. На голове летом у них шляпы, а под хвостом мешки, чтобы не пачкали улиц. Наш двор, где мы всегда играли в чурки-палки, жмурки. Почему надо куда-то ехать?

1 декабря. Позавчера приехали в Ялту на грузовике. Была уже ночь и очень тепло. Пахло чем-то приятным, какой-то свежестью, листьями. Слышен морской прибой, и нет ветра. Ночью только внесли вещи и тут же легли спать. Комната в полуподвале и кухня. А в Севастополе было 2 комнаты на 2-м этаже. Папа говорит, что никто не хотел меняться. Еле-эле выменял на эту.

Сегодня уже ходила в школу, в 5-й Б. В классе все такие большие. Есть, кто сидит 2-й и 3-й год. Сзади сидит грек Афанасиади. Ему уже 18 лет. Я еще не всех знаю. (...)

20 декабря. Сегодня папа разбудил меня в 5 часов. Велел идти в очередь за хлебом. Я ему сказала, что тебе ведь принесут, если ты скажешь. А он все равно погнал меня, сказал, что надо приучаться к трудностям и самостоятельности, а не надеяться на папу и маму. Где-то идет война с какими-то финнами, а в Ялте очереди за хлебом.

В Севастополе было затемнение, мы ходили в школу с противогазами. Из школы я шла в темноте, а фонари были синие. Здесь нет затемнения, на улицах белые фонари. В школу ходим без противогазов.

Простояла за хлебом 2 часа, принесла 1 буханку.

И еще пропал Васька сразу, как мы приехали. Мама говорит, что коты любят не хозяев, а свой дом. Вот он и пошел искать свой дом. Я тоже, как Васька, хочу в свой дом.

1941 год

20 апреля. Наконец папа сменял наш подвал на квартиру на Набережной. Здесь совсем другая жизнь. На Набережной столько народу, рядом большой гастроном. Мои подруги Рита и Таня тоже живут рядом на Набережной. Папа доплатил при обмене 7000 р. Занял у своего техника.

А эти Жалондиевские не поехали в наш подвал, а тут же уехали в Ташкент.

Я теперь хожу гулять на Набережную, и в городской сад, и в летний театр. Билет можно не брать, а надо залезать на дерево. Красота какая. У нас 2 комнаты и балкон. Теперь каждый вечер я вижу море и звезды, вижу пальмы. Наш дом примыкает к санаторию им. XVII партийного съезда. Там музыка, шум, веселье.

30 апреля. Почему-то появилось много военных, особенно летчиков. У мамы в санатории поставили лишние кровати. Летчиков больше чем всегда. Папа опять заговорил о скорой войне. Приходил к нам Мальцев на новоселье, с ним еще военный. Они сидели, пили, говорили о какой-то опасности. Вечером я ходила в летний театр. Как здорово здесь жить. (...)

2 июня. Сегодня сдала сочинение. Теперь математика 8 июня.

Пошла вечером в летний кинотеатр. В городе началось затемнение. В кинотеатре тоже света нет, а фильм идет. К нам приехала бабушка.

10 июня. Сдала все экзамены. Получила похвальную грамоту. Никто не похвалил. Папа чем-то озабочен. Мама сказала, что это в порядке вещей.

У нас будет экскурсия через горы, через Роман-Кош пешком до Алушты на 5 дней. Мама меня не пускает.

16 июня. Наконец-то меня отпустили. Сегодня выходим пешком через Долоссы. Я с мамой поругалась. А она только и говорит: видишь, затемнение в городе, наверное, война будет. И чего они только и твердят о войне?

21 июня. Как же здорово мы прошли по горам.

В первый день поднялись на Красный камень. Моросил дождь. Мы вошли в облако. Это как туман внизу. Ноги скользят по сосновой хвое. Немного отдохнули и пошли дальше. Красота вокруг, хоть и дождь. Сосны шумят. Пришли в какую-то избушку. Поели и легли спать. Утром дождя не было. Солнце вовсю. Мы в заповеднике. Видели издали оленя. Полно птиц. Пошли пешком дальше. Днем часа 3 отдохнули, потом дошли до каньона, но не спускались. Ночевали в какой-то татарской

Зоя начала вести дневник за несколько лет до войны. Он был её верным другом, отдушиной и советчиком. А стал хроникёром и свидетелем оккупации немцами Крыма.

Фото из архива З. Доброхотовой.

деревне. Нас накормили и положили спать в сакле: девочек на женской половине, мальчиков - на мужской. Утром нас опять накормили, и мы спустились в каньон. Там было сыро и прохладно.

Посмотрели старинный собор. Он не действует. Течет речка. Деревья покрыты мхом. Здесь нет сосен. Отдохнули и пошли в Алушту. Шли долго. Потом опять отдыхали, съели последние продукты. Потом пошли к морю, выкупались и автобусом вернулись в Ялту. Вместо 5 дней путешествия всего три. Учитель почему-то не захотел идти из Алушты пешком. Вечером в темноте я добралась домой. Мама даже испугалась. Я ей только сказала: «Вот видишь, никакой войны нет», - и легла спать.

Как же здорово я путешествовала.

22 июня. Ночью мне приснился сон, что началась война. Я иду где-то в поле, там окопы. Вдруг из окопа вылезли 2 немца и идут на меня. Я проснулась и говорю маме: «Мне приснилась война, если будешь клеить окна, то клей белой бумагой». Она мне сказала, что я дура, и послала в санаторий за завтраком. Я пошла. На Набережной около «Интуриста» толпа людей, я слышу слово война. Побежала к Нэльке, потом в санаторий. Когда вернулась, мама уже заклеивала окна газетами. Мне здорово влетело. Отец уже побежал в военкомат. Его оставляют организовать военный госпиталь.

23 июня. Папа бежит, чтобы найти машину, отправить в Симферополь бабушку. Автобусы не ходят. Папа говорит, что даст огромные деньги, чтобы уехать из Ялты. На улицах толпы людей, которые хотят уехать. Сейчас отправляют только военных. Мама пошла на работу. Летчиков скоро увозят. Мальцев ходил в военкомат, его не взяли в армию. Значит, у мамы старый начальник. Он очень справедливый. Мама говорит, что с ним легко работать. Он не дает воровать и сам не ворует.

25 июня. У Нэльки забрали отца. Он комиссар. У Тани тоже. Папа уже работает в госпитале.

Бомбят Севастополь. Пляж опустел. Купаться не хочется. На Набережной пусто. Папа повесил на окна одеяла, чтоб даже полоска света не пробилась. По ночам надо дежурить на крыше. Ждут бомбежки. Говорят, немцы бросают зажигалки. Очень темно и очень скучно.

3 июля. Сегодня слушали выступление Сталина. Он обещает разбить немцев, а они все прут. Говорят, что там, где они прошли, уничтожают все подряд, людей расстреливают. Днем приходил Мальцев. Он такой величественный, гордый, а с папой говорит о чем-то тихо. Возму-

щается, что немцы уже далеко зашли, а наши уходят не сопротивляясь. Папа хочет на фронт. Он ведь 23 года отслужил на флоте.

Мама говорит, что надо запастись продуктами, а их уже нет. В гастрономе только молоко и сметана. Мяса нет. У мамы в санатории отдыхают какие-то люди в штатском. Летчиков уже нет. Я подслушала, как Мальцев говорил, что разбиты все аэродромы и уничтожено много самолетов. Самолеты из фанеры, обтянутой материалом. Погибло много летчиков. Он ведь в гражданскую войну был летчиком. Бомбил белых. А после войны стал начальником. Мама говорит, что когда-то он в гражданскую войну уже был полковником. В 1937 г. всех сажали, и его посадили. В тюрьме его пытали и выбили зубы, а в 1939 г. отпустили, вернули ордена и прислали в Ялту начальником санатория. А он хочет опять воевать. (...)

15 августа. Ялта пустеет. Евреев пускают уехать. Мама написала в Москву, просит разрешения - уехать. Им с Мальцевым не разрешают, прислали ответ: «Будем судить за распространение паники и слухов». Они ведь начальство. А почему евреи уезжают? Те, что с нами менялись, давно уехали, сразу, как поменялись. В госпиталях появились раненые. Папа целые дни на работе. Мама тоже. У них в санатории раненых нет, просто какие-то военные.

Вчера сидели на балконе. На небе полно звезд, море плещется, тихо, и не верится, что идет война. В доме нас осталось двое. Внизу жили немцы. Их выслали на второй день войны. На нашем этаже врач Равинович уехал давно. Еще живут Зеленихины. Он русский, жена еврейка. Но они не уезжают. А парень у них противный, все ходит за мной. Мне нечего делать, вот и пишу. Если меня убьют, то мои подруги когда-нибудь узнают, как я жила. Ведь дневники всегда остаются.

1 сентября. Сегодня наконец-то я пошла в школу. Нам дали еще одно здание напротив. Там была гостиница. В классе стало меньше ребят. (...) На уроке было тоскливо. Нас быстро распустили.

Я забыла написать, как тонул огромный теплоход. Я шла по Набережной, когда увидела над морем самолеты. По морю со стороны Одессы шел пароход. Самолеты один за другим пикировали на пароход и сыпали бомбы. Потом был взрыв, чернота, пароход разломился пополам, и тут же задралась нос и корма и он ушел под воду. С берега стали спускать лодки, чтоб спасти людей. На одной лодке был сын наших знакомых по Севастополю. Папа их тоже уговорил уехать. Сашка не вернулся. Его мать страшно плачет и все надеется, что он вернется.

В городе очень много военных. В бывших санаториях - госпиталях.

5 сентября. Вчера в первый раз я узнала, что такое бомбежка. Сколько было самолетов, я не видела. Только услышала взрывы. Я знала, что за санаторием «Аэрофлота» есть щели. Их выкопали еще в начале войны. Я бежала туда изо всех сил из папиного госпиталя. Когда прибежала, бомбежка кончилась. Я побежала смотреть развалины. Бомба попала в гостиницу «Крым». Там были какие-то организации, и люди были еще на работе. Начали выносить трупы. Они были желтые и обсыпаны штукатуркой. Как же страшно.

Приемники у нас отобрали. Мы теперь можем слушать только репродуктор. Целый день говорят об успехах на фронте и отступают. Говорят, что Кутузов тоже нарочно отступал, чтоб потом разбить Наполеона. В школе нас заставляют ходить по госпиталям, петь песни раненым. Я петь не умею и не хочу ходить, а папа заставляет. Говорит, что могут быть неприятности. А почему? Если я петь не умею. Почему папа и мама все чего-то боятся?

10 сентября. Напротив нашего дома - мол и маяк. Маяк больше не светит, а мол взрывают недалеко от морского вокзала. А зачем взрывать, если Крым не отдадут. По ночам страшно. Море шумит, стало какое-то серое и неприятное. Нас больше не бомбят. Говорят, что Севастополь сильно бомбят. Мои подруги мне не пишут. Интересно, где они. Мама опять обращалась в Москву, чтоб разрешили эвакуацию. Не разрешают. Приходил Виктор Иванович. Его не хотят брать в армию.

27 сентября. Я вместо мамы дежурила на чердаке. Говорят, что могут бросать зажигалки. И еще говорят, что какой-то парень сигнализировал из окна, когда над морем появился самолет. Его арестовали. Мы свет почти не зажигаем. Уже привыкли жить в темноте. Все делаем наощупь. Днем в доме не так страшно. Ночью в пустоте все гудит. Музыку я бросила.

Мол стали взрывать днем и ночью. А он не поддается, крепко строили когда-то. В городе военных еще больше. Неужели немцы придут? Говорят, в тех местах, где они захватили, идут расстрелы. Людей сажают в машины и пускают газ.

15 октября. Вчера немецкие самолеты летали, но не бомбили. Папа и мама в ужасе. Уехать нам нельзя. Мол еще не смогли взорвать. Ночью я встала, подошла к окну. Вижу, в порт входят корабли. Утром ни одного уже не было. Корабли серые в пятнах. Огней не было. А раньше в порт входили белые пароходы. (...)

29 октября. По радио кричат: «Солнечный Крым не отдадим врагу». И вдруг врывается немецкая речь, а потом музыка. В городе слухи, что немцы уже в Симферополе. Мальцев дал приказ зарезать всех коров и свиней в подсобном хозяйстве, а мясо раздать сотрудникам. Срочно пакуют вещи в тюки, готовятся к эвакуации.

31 октября. Сегодня видела, как отступают войска. Медленно идет колонна. Солдаты усталые, грязные, в обмотках, грязных ботинках. Жители дают им хлеб, продукты. Поздно вечером поехали машины. Грузовики с НКВД и их семьями. Везут мебель, цветы. Несколько машин приехали в санаторий. Мама просила взять в Севастополь. Они отказались, сказали: «Нет места». Значит, табуретки и фикусы дороже людей. Схватили несколько тюков с вещами и уехали.

Виктор Иванович дал приказ распороть тюки и все раздать сотрудникам. Все паникуют - боятся немцев. Мама со всех берет расписки за взятые вещи. Поздно пришли домой.

2 ноября. Мы уходим из своей квартиры. Вчера я бегала посмотреть, как течет река вина. Выпустили вино из Массандры. Вино текло, как вода после ливня по Массандровской улице, уходила за Морской вокзал. (...)

10 ноября. Мы ушли в санаторий. Писать было негде. Помещения были заняты НКВДшниками. Мы пошли к папиному знакомому врачу Троицкому, с которым он работал в госпитале. Там ночевали. 3-го начали взрывать Ялту. Ночью мы смотрели, как горит Набережная, большие дома, санатории. На том конце за Массандрой слышалась стрельба. Там оставили сражаться ополченцев. Мама в ужасе - у нас все сгорит.

Ночью к Троицкому прибежала медсестра. В госпитале осталось 60 раненых. Папа с Троицким побежали в госпиталь. Вынесли всех раненых, распределили их по жителям. Тут подскочил подонок из НКВД, хотел взрывать, но какой-то парень не дал. Он очень ругался, орал на папу и Троицкого из-за того, что они не имели права выносить раненых, чтоб не оставлять врагу. Орал, что так это не оставит. Но парень поддал ему как следует, и тот убежал. Когда папа с Троицким пришли домой, жена Троицкого сказала, чтоб мы немедленно убирались. Мы с мамой просидели до рассвета на кухне, потом ушли в санаторий. Никто не спал, НКВДшники уже уехали. Встретили Виктора Ивановича.

Он ночью хотел уйти в горы к партизанам, но его не пустили парни, которые охраняли дорогу в лес. Папа остался в санатории, а мы с мамой

пошли посмотреть, что с нашей квартирой. Мы пошли по Володарского, потом по Пушкинской и Виноградской. Везде были немцы. Они мылись прямо на улице голые до пояса. На Виноградской было много немцев на мотоциклах. У них интересные плащи: длинные, застегиваются на шиколотках, получается комбинезон.

На нас никто не обращал внимания. Так мы прошли по Морской на Набережную. На улице у входа во двор санатория лежал мертвый парень. Потом нам сказали, что он не дал взорвать санаторий им. XVII партсъезда. Прошли в наш дом. Холодно в подъезде, гулко. Страшно. Когда пришли в квартиру, нам навстречу выскочила наша кошка. У нее тряслась голова, и она страшно мяукала. Ведь кругом все горело и взрывалось. Мы взяли продукты и белье. И пошли на старую квартиру в подвале. Мурка молчала. Хотели идти по Набережной, но асфальт был раскаленный. Водолечебница Учан-Су догорала. Джалита была взорвана, гостиница «Интурист» взорвана наполовину. Мы прошли по Литкенса и дворами пробрались в наш подвал. Потом пошли за папой. Идет дождь, и очень холодно. Мы переночевали и утром с мамой пошли в санаторий. Немцы приказали собраться всем сотрудникам. Весь день убрали палаты. Мама считала то, что осталось из инвентаря. Виктор Иванович иногда выходил. Он страшно переживает. Ходит в военном плаще.

Немцы повесили приказ - собраться врачам и учителям в комендатуре. Папа пошел тоже.

3 дня мы жили в подвале, а потом вернулись на Набережную. Перед отходом наши взорвали электростанцию, водопровод не успели. Вода дома была. Натопили печку и, наконец, поели. Соседи тоже вернулись. Вчера мы с мамой шли из санатория, несли корзину с продуктами. Уже темнело. У моста через речку из кустов вышли 2 немца. Я испугалась так, что не могла сказать ни слова, хоть и понимала, что они говорят. Они проверили корзинку и дали нам бутылку вина из Массандры. Потом отпустили. Мы бегом помчались домой, в наш подвал.

15 ноября. Сегодня я вышла на балкон посмотреть, как на параде идут немецкие войска. Они шли, высоко поднимая ноги, чеканя шаг. Посмотрела направо на балкон санатория. Вдруг увидела, что парад принимает Гитлер, а рядом Муссолини. Я перепугалась и легла на балконе. Они меня не видели. Гитлер что-то кричал, потом говорил Муссолини. Какая-то женщина бросилась к немцам с горшком герани. У нее

взяли горшок, и она еще немного бежала рядом с колонной. Подхалимка! Я уползла с балкона и больше не выходила.

На улице противно, моросит дождь со снегом, холодно, волны заливают Набережную, разбиваются о железные перила. Папа ушел на работу. Открыли поликлинику. Половина здания для русских, половина - для немцев. Мама тоже ушла в санаторий. Ее назначили кем-то вроде коменданта. Виктор Иванович решил сдать в плен. Пошел в военной форме. Его посадили с другими пленными в нашей школе. Люди ходят кормить пленных и многих забирают. Мы тоже ходим к Виктору Ивановичу. Он жаловался, что его никак не выделяют среди других пленных. Папа предложил ему уйти. Папа вышел без пальто, а ему отдал свое. Я с Виктором Ивановичем вышла, никто нас не остановил, и я дворами провела его в санаторий. Теперь он сидит в своей квартире и никуда не выходит. С ним его незаконная жена. Мама называет ее врио жена.

18 ноября. Мама взяла меня на работу. Уговорила какого-то мужчину принять у нее все дела. Ходит, сдает все под расписку. Всех сотрудников послали на кухню. Несколько женщин посадили чистить картошку. Меня тоже хотели заставить чистить, но я сказала, что не могу портить руки. Немец спрашивает: «А что ты можешь?» Я ответила, что играю на пианино. Он сказал: «Поиграй». Я сыграла несколько вальсов Штрауса. Пришли еще немцы, послушали, потом дали нам продукты. Больше я не играла и картошку не чистила. Дома одна не остаюсь. Немцы повесили приказ: «Всем евреям надеть три звезды. Дураки! Понадели, кто знает, где еврей. И еще друг друга ругают. Сегодня на улице одна еврейка кричала другому: «Ах ты, пархатый жид». Сидели б тихо. (...)

22 ноября. Мама сдала наконец все дела. Продукты у нас кончаются. Открыли магазин. Там дают 100 г липкого вонючего хлеба на троих. И дали 10 кг мороженой картошки. Открылась комиссионка. В ней продают награбленное из музеев. Мама не выдержала и купила на последние 1500 р. очень красивую безделушку из Воронцовского дворца. Продукты никто не продает. На рынке только вещи. Наши деньги в 10 раз дешевле немецких марок. 1 марка - 10 рублей. Перед отходом наши сожгли и уничтожили все что можно. Пшеницу в колхозах обливали керосином и сжигали. А теперь из этого зерна пекут хлеб и дают русским. Некоторые женщины пешком идут в степной Крым в деревню менять вещи на продукты. Две женщины вернулись, не дойдя до Никиты. Видели тру-

пы мужчин, сложенные поленницей. Наверное, ополченцы, которые погибли при обороне.

У мамы начало болеть сердце. У нее порок сердца. А теперь столько неприятностей.

11 декабря. Мы на новой квартире. Дом тоже на Набережной, метров шестьдесят от старого. В домоуправлении сразу предложили нам квартиру. В ней раньше жили евреи. Они уехали сразу, как началась война. Одна комната метров 40, вторая метров 20. Есть соседка русская. Кухня общая. Везде грязь. От хозяев осталась мебель каких-то огромных размеров. Нашу мебель перетащили немецкие солдаты. Пришли человек 20. За 2 часа перетащили все. Хозяйскую мебель сложили в большой комнате. А сами разместились в маленькой. Здесь есть печка. Здесь готовим и спим, и папа принимает больных. Приходят татарки из деревни. Платят продуктами. Папа очень страдает от недоедания.

Я хожу в школу на Садовой. Из старых наших учеников только Бахши. Она носит звезду. И еще Витька Кирюшин. Я с ним дралась в 6-м классе. Теперь он ко мне не лезет. Уроки скучные. Все притихли. Учителя пасмурные.

12 декабря. Повесили приказ: «Всем евреям собраться в гестапо с вещами в течение 3-х дней». Евреи потащились. Несут кровати, матрацы, ковры, чемоданы. Папа встретил знакомого врача. Говорит ему: «Беги в лес». А тот отвечает: «Нас отправят в Палестину». Папа ему говорит, что везде, где немцы, давно уже всех перестреляли. А тот твердит свое: «Немцы люди культурные, они не обманут, а большевики все врут». Отец просил его оставить у нас хоть дочь. Но он не хочет.

И еще один папин знакомый зашел прощаться. Адвокат. Прощается и говорит: «Нас все равно убьют. В лес нельзя, туда без пропуска не пускают. Там только райком, горком и дурачки молодые для охраны. А нас всех бросили на растерзание. Самое страшное то, что свои холоуи прислуживают, доносят, выдают евреев и коммунистов».

Наш бывший сосед еврей работает у немцев. Донес на маму, что она еврейка, а звезду не носит. Приходил к нам немец с переводчиком болгарин. Мама ведь и по паспорту болгарка. Дед мой чистый болгарин, а бабушка русская. Они успокоили соседа.

Начались налеты нашей авиации, но гибнут только русские. В санатории «Россия» бомба пробила три этажа и взорвалась в подвале. Там работали русские, перебирали картошку. Несколько человек убило.

13 декабря. Сегодня я шла из школы, было очень скользко, на Морской я поскользнулась и подбила солдата в немецкой форме. Я думала, что он меня застрелит. Но он поднялся, поднял меня, спросил, не ушиблась ли. Потом пошел провожать меня домой. Когда папа открыл дверь, то перепугался насмерть. Но солдат, а вернее моряк, и не немец, а австриец из хорватской морской части, ему все рассказал. Когда узнал, что папа зубной врач, то попросил вырвать ему зуб. Он ходил в свою, но там ему не стали рвать. Папа вырвал зуб, и он ушел. Зовут его Мариан Барстелло. Немного говорит по-русски.

14 декабря. Утром пришел Мариан. Он принес банку тушенки, хлеб и колбасу за папину работу. Это вовремя. Мама уже не знает, что готовить. Кроме сахара и бутылки горчичного масла ничего нет. Кошка тоже голодная. Папа иногда выходит на берег, подбирает дохлую рыбу. Немцы знают, что это кошке, и папу не трогают.

16 декабря. Вчера разбомбили нашу школу. Больше ходить некуда. Хорошо, что никого не убили. Чем не понравилась школа?

19 декабря. Вчера весь день в Массандре бил пулемет. Расстреливали евреев. Говорят, маленьким детям мазали губы ядом и они сразу умирали. Бакши тоже убили. Расстреливали наши подонки, а командовали 2 немца. Кто-то сумел убежать. У мамы в санатории работал садовником один придурок. Как пришли немцы, он подался в гестапо. Потом ходил по улицам, всем угрожал. Вот такие гады и убивают своих. Ну ничего, им все отплатится.

24 декабря. Вчера была облава. Папа шел из поликлиники, когда его схватила полиция. Хватали только мужчин и сгоняли в гетто. Как я узнала - не знаю, только схватила пальто и понеслась в Массандру. Там было мужчин - видимо-невидимо. Наверное, тысяча человек. Как я нашла отца - не представляю. Он, увидев меня, растерялся. Я его схватила за руку и потащила вниз к оврагу. Потом низом вывела к Морскому вокзалу. Облава кончилась, и никто нас не остановил. Утром папа на работу не пошел и сказал, что больше не пойдет.

Немцы на Набережной ставят пушки на каждые 6 м, промежутки закладывают мешками с песком. На улицах, выходящих на Набережную, поставили надолбы из рельсов. Говорят, ждут русский десант. Наше парадное закрыли. Ходим через Морскую. Мариан ходит каждое утро. Он носит завтрак своему офицеру и говорит, что это слишком много для него. Все равно выбросит. Это не очень много, но хоть добавка. Мама

моет очистки, перемалывает, смешивает с отрубями и делает котлеты. Мне хочется гречневой каши или жареной картошки. Папа очень страдает от голода, и от бессилия заработать, и от подачек.

26 декабря. Вчера вечером пришли человек 6 немцев. Они попросились посидеть ночь. На улице холод, они дежурят у пушек. Ждут десант. Нам пришлось уйти в холодную комнату. Спать не удалось. Холодно и голодно. Немцы говорят, что в Керчи высадили десант. Мама очень переживает за дядю Володю. Каким-то способом кто-то что-то говорил, что они эвакуировались. У нас работает радиостанция О.Б.С. - «одна баба сказала». У нас нет ни приемника, ни радиотрансляции. Живем слухами.

У нас комендант - идиот. Требуется, чтоб при встрече мужчины снимали шапку и кланялись, а женщины просто кланялись. Ни папа, ни мама не выходят.

31 декабря. Пришел Мариан, принес кое-какие продукты: хлеб, паштет, кусочек колбасы и патефон с пластинками. Патефон круглый, величиной с будильник. Сказал, что придет вечером встречать Новый год. У него отец имеет ресторан в Вене. У них традиция встречать Новый год в семье. У них спокойная семья, они любят помогать людям. Мама у него врач.

1942 год

2 января. Вот и Новый год. Кажется, война была всегда. Мирная жизнь кажется сном. Вроде никогда не было электричества, не было школы, не было дома пионеров, не было вкусной еды. Севастополь громят. Земля трясется от бомбежек. Особенно хорошо слышно ночью. Как там бедные люди? Что они едят, где спят? Эта зима страшно холодная. Пальмы у нас под окном шелестят замерзшими листьями. В Ялте легкий снег. Когда мы приехали зимой, то Ялта встретила нас ароматом прелой листвы, теплом, и как все переменялось всего за два года.

3 января. Прошел слух, что на Володарского у румын лошадь сломала ногу и ее пристрелили. Мы с мамой побежали туда. Напротив дворца Эмира Бухарского живет внучка Багратиона. Она с помощью румын втащила лошадь к себе и теперь продает мясо. Нас встретила эта внучка - тетя Нина. Ей лет 70-80. Черная, нос орлиный, сердитая, в платке. Она пригласила нас в дом. В доме холодно, стена треснула от бомбежек. Как на ней держится огромное зеркало - чуть не во всю стену в черной раме. Огромная черная кровать, огромный черный шкаф и черный кот. Мы

купили, наверное, 10 кг. Еле донесли. Мама сварила суп и сделала котлеты. Суп пенился, и есть его не хочется, но папа похвалил.

6 января. У мамы сегодня День рождения. Подарков никаких нет. Когда же кончится война? Хочется пирожных, газировки.

Приходил Мариан. Он едет в Симферополь. Спросил адрес дяди Вали и взял папиросную бумагу и мыло, чтоб сменять в деревне на продукты. Удивительно. Немцы воюют, а он помогает русским. Значит, не все солдаты гады. Мариан много рассказывает о Вене, проклинает войну и хочет скорее домой.

15 января. Вернулся Мариан, привез полмешка муки. Когда открывали, оттуда выскочила мышь. Мариан засмеялся - вот и мясо. Сказал, что его переводят в Феодосию, а к вечеру привел своего товарища хорвата. Его зовут Винко Данчевич. Он просит папу полечить и сделать ему зубы. Папа согласился.

18 января. Винко ходит к нам, как ходил Мариан. Приносит продукты. Винко - высокий, с очень голубыми глазами и все напевает: «И кто его знает, чего он моргает». У него есть невеста русская, зовут ее Наташа, живет в Алуште. Говорит, что хочет уехать в Югославию и уйти в партизаны. Немцев терпеть не может.

20 января. Сегодня утром мы с мамой пошли в санаторий. Нам сказали, что румыны привезли муку и меняют ее на золотые вещи. У мамы ничего, кроме позолоченных часов, которые не ходили с 1914 г. нет. Я ими играла в детстве. Но мама решила рискнуть. С нами пошла знакомая. У нее прекрасное кольцо с бриллиантами. Румыны ей дали 6 кг муки, а нам целых 15. Мы так бежали с мамой. Боялись, что они узнают, что это не золото, и отнимут муку.

Встретили жену Виктора Ивановича. Они очень голодают. Виктор Иванович пишет книгу, а она работает на кухне у немцев и, когда удаётся, что-то меняет. Рассказала, что у одной сотрудницы, пока она ходила на обмен за Симферополь, немцы застрелили сына 10 лет. Он пошел подбирать рыбу на берегу. Его приняли за партизана в темноте. Когда мать пришла, его уже принесли и положили на стол. Немцы извинялись. Дали ей деньги. Она их выбросила.

В санатории интересные шторы для затемнения. Еврейские письма на ослиной шкуре. Евреев перестреляли, а шторы повесили. Странно.

Я не учусь, школа разбита, но зато много читаю. Хорошо, что у нас

много книг. Прочла Золя, Бальзака, Мопассана. У бабушки огромная библиотека, раньше она мне давала читать.

25 января. В Симферополе жизнь другая. Нет бомбежек, обстрелов. На базаре есть продукты. Открыт театр и кинотеатр. А здесь могильная тишина и бомбежки.

28 января. К соседке вчера пришел немец развлекаться. Напился и пришел к нам требовать у папы спирт. Спирта нет. Тогда он приставил пистолет мне ко лбу и орал: «На колени». На колени я не встала. Папа с мамой перепугались до смерти. Потом папа сказал, что принесет вино, а сам пошел к соседке. Немец все держал пистолет, когда соседка, тоже напуганная, увела его. Через час он снова ворвался и опять требовал спирт. Потом увидел мои белые перчатки и забрал. Утром пришел Винко, и мы ему рассказали, что произошло. Он пошел к своему офицеру и все рассказал.

30 января. Пришел Винко. Рассказал, что офицер ходил к коменданту. Этот подонок оказался солдатом из комендатуры. Он был пьян и ходил в белых перчатках. Комендант дал приказ расстрелять его за мародерство, за постоянное пьянство, за то, что разлагает других и за незаконную связь с проституткой. Так рассказал нам Винко. Не знаю, правда или нет, но здесь он никогда не появлялся.

Винко приводит еще моряков к папе. Моряки приносят продукты и деньги. Но на деньги покупать нечего. На базаре только вещи, золото. Можно что-то купить за кусок мыла или табак. У нас во дворе немецкий склад продуктов. Пришел немец, который там работает, просит дать ему нашу кошку. В Ялте съели всех кошек и собак. Папа не хотел давать, а потом пошел на ночь вместе с кошкой. Она поймала за ночь штук 10 крыс. Утром немец дал большую банку тушенки, хлеб, паштет.

1 февраля. Кошка уже одна ловила крыс. И опять немец принес продукты. Папа поделился со своим техником.

Опять бомбят. Сегодня пошли опять в санаторий. На минуту задержались у нашего парадного. Впереди метров за 50 шли два немца. Вдруг налетел самолет. Мы кинулись в сторону в городской сад. Немцев уже не было, была воронка и обрывки шинелей. А ведь это были бы мы с мамой. И кинотеатр «Арс» тоже в развалинах. Почему наши самолеты так бомбят? Ведь гибнут здания и русские. Два немца впервые. Из Севастополя тот же гул, так же трясется земля. Что за пушки у немцев? Такой грохот.

На территории Крыма действовали многочисленные партизанские отряды, в которых нередко рядом со взрослыми воевали и дети. Когда партизан казнили, на казнь сгоняли всех жителей.

Фотохроника ТАСС.

1 марта. Мы опять в нашем подвале. 27 февраля мы только легли спать и впервые за 3 месяца разделись. Вдруг взрыв. Папа подошел к окну. Прямо перед нашими окнами стоит корабль и лупит прямой наводкой. Папа закричал: «Быстро вниз». Мы накинули только пальто на голое тело и выскочили. Мама хотела вернуться, забыла документы. Но взрыв огромной силы потряс весь дом. Мы были еще наверху, нас осыпало штукатуркой. Мы побежали вниз, в сарай. Еще один взрыв. Над двором сыпались раскаленные осколки. Ночь сидели в сарае. Утром вошли в квартиру, а потолка нет. Там, где лежала мама, огромный осколок вошел в матрац. А на подушке у папы огромный кусок потолка. Как все не сгорело, непонятно. Снаряд пробил крышу и потолок и вошел в печку, которая горела. Опять мы собрали вещи и пошли в свой подвал.

5 марта. Мне приходится ходить на Набережную, таскать вещи, уголь и дрова. Папа не выходит, мама тоже. В подвале спокойнее. Здесь по улице иногда ходят люди.

Вчера я пошла за углем, набрала полный ящик. Везла на тележке. Уже на Санаторной оторвалось колесо. Я никак не могла сдвинуть. Подошел хорват, спрашивает: «Тяжко?» Говорю: «Тяжко». Он помог довести ящик, затем познакомился с папой. Говорит: «Зачем же такой ребенок тащит так тяжело?» Папа ему сказал, что надо привыкать к трудностям. Ей надо все уметь, научиться преодолевать трудности, ведь может быть еще хуже. Хорват только сказал: «Проклятая война» - и ушел.

Заходил Мальцев. Обедали вместе. Виктор Иванович сказал, что пишет книгу о ГПУ, как он сидел, как ему выбили зубы, как пытали.

15 марта. Уже совсем тепло. В подвале сыро. Папа хочет опять выбраться куда-нибудь из подвала. На днях мы рано закрыли трубу и чуть не отравились угарным газом. Хорошо, что в этот момент было небольшое землетрясение. От удара мама проснулась. Лампочка качается. Мы еле-еле выползли на воздух. Ночь была холодная. У соседки сохранилось немного кофе. Она сварила и дала нам. Укутала одеялами. Мы кое-как пришли в себя.

Народу в Ялте осталось совсем мало. От голода зимой ежедневно умирали 30-40 человек. Да еще бомбежки. В облаву забрали столько мужчин. Расстреляли, как говорят, 1100 евреев. Там, где на квартирах стоят немцы или румыны, легче. Они помогают жителям. Кто-то стирает немцам, кто-то работает. К весне как-то устраивается. Папа сходил к знакомому врачу Василевскому. Это недалеко от нашего подвала. У

них в доме пустует половина 2-го этажа. Папа хочет переехать. Домоуправление на этой же улице. Даже представить трудно, за 10 месяцев мы переезжали уже в 4-й раз. Папа договорился, и тут же ему выписали ордер. На днях мы переедем.

Опять появился Виктор Иванович. Он написал книгу и теперь хочет ее издать.

А Севастополь все не сдаётся. Немцы без конца бомбят и бомбят.

10 апреля. Мы уже переехали. Перевезли вещи с Набережной. У нас 2 комнаты, закрытая веранда и балкон, весь увитый глицинией и вьющимися розами. Красиво. Дом построен из такого же камня, как Воронцовский дворец. Стены толщиной чуть меньше метра. Кухня общая, но мама поставила на балконе мангал и готовит дома.

Виктор Иванович вместо писателя стал городским головой. Недоволен. Это для него слишком мелко.

Куда бы мы ни переезжали, папа делает ремонт. Белит стены известкой, устраняет какие-то дырки. У нас хорошие соседи. Врачи. Работали в туберкулезном диспансере. Иногда к ним приходят больные туберкулезом. Они лечат, но все равно голодают. К папе опять стали ходить пациенты. В основном хорваты и румыны. Расплачиваются продуктами. С техником папа тоже расплачивается продуктами. И, кроме того, отдает и соседям и знакомым. Но все-таки хочется гречневой каши и котлет. Румыны больше носят масло, хорваты рыбу. У них котяра, они ловят кефаль и скумбрию. Мы не голодаем. Но хочется и молока и творога. В Ялте картошка никогда не росла. А так хочется жареной картошки.

1 мая. Нас стали бомбить ежедневно. У нас интересная кошка. Она чувствует, что будет бомбежка, и ведет котят под лестницу на 1-й этаж. Мы теперь чаще живем под лестницей, а не на 2-м этаже. Я все так же хожу к технику и на базар. Меняю масло и рыбу на пшеницу или хлеб. Румыны на базаре меняют все что можно, даже вино. Вчера шла по Набережной домой, сзади шла девочка. Вдруг на бреющем налетел наш самолет. Я видела его лицо. Он сбросил бомбу. У «Интуриста» стоят хорваты. Они закричали: «Ложись». Все произошло мгновенно: выскочил хорват, дал мне подножку, я упала. Бомба взорвалась у городского сада. Девочку убило осколком. Хорват отвел меня домой. Меня трясло.

Немцы громят Севастополь, а наши Соколы Ялту.

10 мая. Бомбежки каждую ночь. Лучше б жили в подвале. Все равно спим под лестницей. Мы и соседи на 4 кв. м. Они очень бедные и боль-

ные. Чтоб белое белье не так пачкалось, они перекрасили его в красный цвет стрептоцидом и в зеленый цвет акрихином. Сосед смеется, что белье на нем такое же, и он то зеленый, как гусеница, а потом вылупился и стал бабочкой. Под лестницей мы и едим. Кошка всегда с нами.

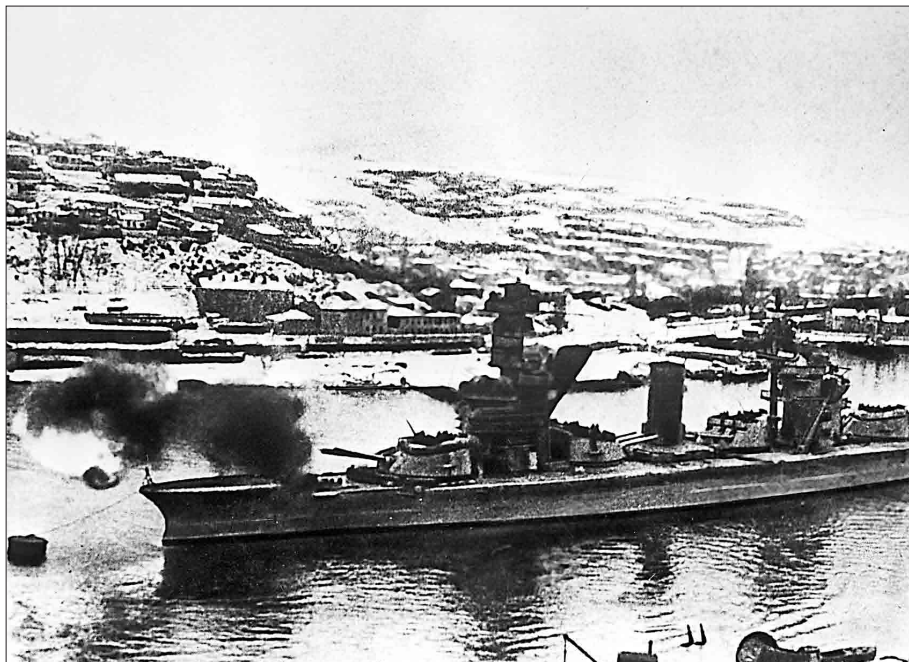
16 мая. Приходил Виктор Иванович. Предложил маме идти работать в управу главным бухгалтером. Мама отказалась. К папе приходила одна еврейка, которая не надела звезду и скрывалась. Просит помочь сделать новый паспорт. Папа поговорил с Мальцевым. Он обещал помочь. И еще к маме пришел ее бывший сотрудник. Просит подписаться, что он не был коммунистом. Мама подписалась. Если б не предатели, то немцам и дела нет до русских.

Мне уже совершенно нечего надеть. Платье, что носила в 5-м классе, мало. Мама отдала свое платье шерстяное. Я его перешиваю. А летнего ничего нет. Старая юбка из платья и одна блузка. Стирать приходится золой. Голову тоже моем золой. Мыло экономим.

26 мая. Папин день рождения. Раньше он всегда отмечал, теперь нет.

28 мая. Вчера с вечера не успели спуститься под лестницу, хоть кошка бегала, звала. Сидели на балконе, потом легли спать в комнате. Спим, как цыгане, - все в гостиной, хоть в спальне 3 кровати. И вот тут громыхнуло. Наши с подводной лодки пустили торпеду. У нас заклинило замок. В половине близлежащих домов повывлетали стекла. Мы ведь опять живем недалеко от моря. Когда же все это кончится? Скоро уже год, как началась война. Сколько уже погибло людей! Сколько невинных еще погибнет. Ведь простые немцы не хотят убивать. А заставляют. Чем я была виновата и та девчонка? Ведь нас было только двое на Набережной. И летчик видел, а бросил на нас бомбу, да еще стрелял из пулемета. А еще советский.

6 июня. Я была на балконе. Папа принимал какого-то мужчину. Высоко летят самолеты со стороны Севастополя. Вдруг я вижу, что-то серебрится. Влетаю в комнату, кричу: «Бомбы!» Папа сказал: «Не ври». И что тут началось. Бомбы рвались одна за другой. Я залезла под стол, папа спрятал голову под кресло, а пациент исчез. Когда бомбежка закончилась, я побежала смотреть разрушения. Одна бомба на углу Литкенса не разорвалась. Я подбежала к ней, прыгнула на нее. Какой-то немец схватил меня и отбросил к стене, сам лег на меня. Все, кто там был, бросились в разные стороны и легли. Через несколько секунд бомба взорвалась. Когда я пошла домой, отец стоял прижавшись к стене бе-

Война шла не только на земле, но и в море. Гибли не только военные корабли (линкор «Парижская коммуна» во время боя под Севастополем - на фото). 7 ноября 1941 г. фашистские самолёты разбомбили транспорт «Армения», на котором находились раненые бойцы и эвакуированные жители Ялты. Из 5000 человек спаслись только 8.
Фото РИА Новости.

лее своего халата. Увидев меня, он сполз по стене и потерял сознание. У меня болела голова, и я стала заикаться.

К вечеру папа отошел и вспомнил, что у него был пациент. Когда я пошла в ванную, то увидела, что из-под ванны торчат ноги. Папа кое-как вытащил своего пациента. Гипс во рту затвердел, как камень. Он не помнил, как исхитрился залезть, а уж вылезти не смог. Папа еле-еле снял ему гипс. И как он не задохнулся?

15 июня. Ничего хорошего, ничего нового. Пришла старая знакомая папы - еврейка. Просит помочь сделать паспорт на болгарку. Папа обещал.

Бомбежки продолжают. В развалинах трупы, полно крыс. Наша кошка каждую ночь приносит штук 10. После каждой надо встать, погладить Мурку, иначе она положит ее на подушку. Утром я выбрасываю крыс в полицию. Полицией ругается, орет: «Какой черт мне опять крыс накидал?» А на днях у него ночью украли машину. Как ее перекинули через стену?

26 июня. Бомбить стали еще больше. А земля трясется от бомбежки Севастополя. Говорят, немцы в чем-то ошиблись и разгромили румын. Папа попросил Виктора Ивановича, и его знакомой дали новый паспорт. Она болгарка. А мы все так же спим под лестницей впятером.

5 июля. Севастополь сдался. Приходил Виктор Иванович. Возмущался предательством командования. Начальство ушло на подводной лодке. Солдаты до последнего держались на развалинах Херсонеса. Моряки не сдавались. Говорят, что взявшись за руки прыгали с обрыва в море. В плену тысячи солдат.

8 июля. Говорят, что пленных гонят в Симферополь. Когда голова колонны была в Бахчисарае, хвост был еще в Севастополе. Украинцев отпускают по домам. К папе пришел один моряк, он как-то сбежал. Папа дал ему свой костюм. Он украинец. Сказал, что украинцы доберутся домой на Украину. А почему же русские должны идти в лагерь?

Но почему русские самолеты нас так зверски бомбят?

16 июля. Опять мой день рождения. Мне 15 лет. Жарко. Никто меня не поздравляет. Я решила пойти выкупаться. Ведь море всего в 100 метрах. Маме я ничего не сказала и пошла. У Ореанды спустилась к морю. Никого нет. Немцы очень далеко. Я разделась. Вижу, они кричат и машут руками. Я подумала, что они не хотят, чтоб я купалась, потому что русская. А когда нырнула и поплыла, поняла, что море заминировано.

Мина круглая, рогатая качалась подо мной. Я поплыла назад. Какой-то итальянец спускал лодку, но я плыла быстрее. Схватила свое платье и бегом домой. Меня не догоняли. Маме я ничего не сказала. А волосы намочила в ванной. Все я попадаю в какие-то неприятности.

1 августа. Сегодня наша кошка приползла, в горло ей вцепилась белая старая крыса. Но Мурка ее не бросила. Папа оторвал крысу, у Мурки хлынула кровь. Папа обработал ей рану. Теперь она лежит со своими котятами.

9 августа. Ничего нового. Все так же живем под лестницей. Кошка так же спускается вниз с котятами. Они смешные, скатываются по лестнице, ходить-то не умеют. Хожу к технику. Немцев в городе много. Отдыхают. Румын стало меньше. Вчера ходила на рынок. Вдруг вижу, в городском саду к позорному столбу привязан мужчина старый. На груди доска с надписью: «За доносы». Вокруг толпа людей, плюют на него, кидают камни, орут. Приговорил его городской голова на две недели. По вечерам его уводят, а с утра опять привязывают. Облав больше нет. Наверное, уже некого ловить. А папа все равно никуда не ходит. Мама и до войны знала только дорогу из дома на работу. Так было в Севастополе и в Ялте. А теперь ей некуда ходить.

25 августа. Раньше я б готовилась идти в школу, а теперь неизвестно, когда я буду учиться. Да и буду ли. Сейчас я б пошла в 8-й класс. А так умираю от скуки. Хорошо хоть у нас много книг. Подруг нет. К папе ходит один румын вставлять зубы. Теперь надумал вечером петь под балконом мне серенады. Пришел с цветами. Я вылила на него ведро воды.

5 сентября. Виктор Иванович нашел новую жену. Ее зовут Нэлли. Молодая, врач. И что она со стариком связалась. Он уходит из управы. Его приглашают в какую-то русскую армию, которую организуют немцы. Ему надо ехать куда-то в Германию. Пришел прощаться. Очень расстроен, неуверен. Но собирается спасти Россию.

30 сентября. Опять приехал дядя Валя. Говорит, что лучше б нам переехать в Симферополь, чтоб быть всем вместе. Нужен пропуск. Он обещает сходить к коменданту в Симферополе. Папа согласен. Дядя Валя рассказал, что в Симферополе совсем другая жизнь. Есть школы, театр, кинотеатр, на рынке все есть и не бомбят. А здесь бомбят без конца. Под лестницей спать уже холодно.

5 октября. Вчера соседи не хотели идти в подвал. Легли спать дома. Мы пошли под лестницу. Кошка мяукала, как никогда. Тогда папа по-

шел уговаривать соседей идти вниз. Только они начали спускаться, как громыхнуло снарядом с моря. Наш дом из диорита, а зашатался. Утром посмотрели - шкафа нет, что в углу стоял. Все вещи в ключья, полстены снесло, а головка снаряда влетела в печь, что у нашей стены. Иначе б и нашу спальню разнесло.

19 октября. Папа окончательно решил все бросить и уезжать. Как это выйдет? Ведь война, и кругом враги.

К нам приходит цыганка. Мама дает ей кое-какие вещи на обмен. Вчера принесла кусок мяса, похоже на собачатину. Кошкой соседи меня уже угощали. Похожа на крольчатину, это мясо синее и худое, больше костей.

25 октября. Спим дома, ближе к дверям. До полуночи сидим, ждем бомбежки, потом ложимся, как цыгане, все вместе. Похолодало. Школу открыли, но никто теперь не ходит. Наверное, некому и бояться. Кажется, война была всегда. Я уже ничего не помню.

7 ноября. Вчера ночью нас особенно бомбили. Праздник. У папы есть работа, но за деньги ничего не купишь. Румыны больше не ходят, хорваты в море не выходят. Нет ни рыбы, ни консервов. Я страдаю от голода, а папа очень удручен. Нельзя сказать, что мы голодаем, как в 41 году. Еще остались от лета мука, сахарин и консервы. Надо экономить. Мама стирает золой, мыло только для умывания.

Я бегаю к технике и на базар. По Набережной стало противно ходить. Море бушует, заливает до домов. Море серое, грязное и холодное. До войны оно сверкало, а по ночам на темном, спокойном море была лунная дорожка, на горизонте широкая, а к берегу сужалась. И луна была такая спокойная. Как же все ушло.

15 ноября. Нам привезли пропуск. Мама ходила в комендатуру в Ялте. Комендант подписал. Вот и все. Мы скоро уедем. Приходила немецкая медсестра. Она займет нашу квартиру. Увидала стулья с резной спинкой. Выпросила один стул. Сказала, что даст машины, чтоб увезти вещи. А стул отправит своему папе в Германию. Странно. Могла б просто отобрать.

20 ноября. Мы собираем вещи. Наша кошка мечется, залезает в чемоданы. Утром вылезает и смотрит на нас. Бойтся, что мы ее бросим. Мама никогда не сделает такой подлости.

22 ноября. Сестра Шарлотта дала машины. Погрузили вещи, но настал вечер. Ехать нельзя. Папа пошел ночевать в машину. (...)

27 ноября. Все по порядку. Шарлотта дала еще одну машину, и ее загружали до половины дня. Но не было шоферов. Вернее, был только один немец. Меня отправили с первой машиной с немцем и кошкой. Шарлотта сказала немцу, что если со мной что случится, ему будет плохо. Мы уехали часов в 12. В горах стемнело рано. Мы заехали в татарскую деревню переночевать. Меня с кошкой поместили на женскую половину, а немец ушел на мужскую. Нас с Муркой накормили и положили спать на полу. Ночью Мурка попросилась, я вышла с ней. На улице холодно, небо усыпано звездами. Кажется, что от них светло. Уходить не хотелось. Где-то слышны разговоры. Я испугалась и пошла спать, Мурка за мной. Рано утром немец пришел за мной. Нас опять накормили, и мы уехали. Дорога пошла вниз, и уже не было таких поворотов. Часов в 9 мы въехали в Симферополь. На улицах много народу. Особенно много полицаев. В Ялте такого не было. Полицаи в черной форме с серым воротником. Мы подъехали к дому, где жили тетя Аня с Жаном. Немец, Жан и соседи помогли разгрузить машину, и немец уехал.

На другой день приехали мама и папа на двух машинах. Тот же немец и русский шофер. Сгрузили вещи, и мы кое-как устроились. Здесь не бомбят.

29 ноября. Утром я вышла на улицу познакомиться с городом. Только зашла за угол, как встретила Винко. Я обалдела, он еще больше. Ему было некогда, и я ничего не узнала от него. Странно, почему моряк не на море. Он ведь собирался в партизаны в Югославии, а сам еще здесь.

12 декабря. Я уже хожу в школу. В классе человек 60. Только девочки. Мальчишки в другой школе. Я опять в 7-м классе. Уже подружилась с несколькими. Лилька Измайлова - татарка, Лиля Альянаки - армянка, Люся Кун считается немкой, но она украинка. Отчим - немец и сделал их с матерью немками.

Папа быстро освоился: меня сразу определил в школу, а сам пошел устраиваться на работу в областную поликлинику. В Ялте он всего боялся, а здесь ходит спокойно.

15 декабря. Я хожу в школу. Не надо бояться бомбежек, на улицах много народу. По истории у нас старый учитель, у него на кончике носа висит сопля. Мы прозвали его «капелька». По математике учитель, какие были в старых гимназиях, высокий, дородный, ходит в старинном мундире и очень гордый. По русскому учительница из Ленинграда, она приехала летом 41-го и не смогла уехать. Учим литературу Франции,

Германии и старую русскую. Сейчас проходим Стендаля. А по немецкому - учим биографию Гитлера. Оказывается, Гитлер - это кличка, как и у Сталина. А настоящая фамилия Шикльгруббер.

В городе появилось много немцев из Сталинграда. Моя подруга из Севастополя работает в немецком госпитале. Там очень много раненых и обожженных. Ее отец во время боев был в Севастополе. Он работал в банке и не мог бросить документы и деньги. Потом отправил семью в Симферополь, а сам остался в Севастополе. Рассказывал, как они жили. Люди прятались по пещерам, катакомбам. Продукты были, а воды не было. В Инкермане в пещерах пили и умывались шампанским. Выйти было невозможно, продукты приносили моряки. Моряков сняли с кораблей и отправили в окопы. Немцы боялись моряков, называли их «черная смерть».

24 декабря. У немцев праздник. У нас во дворе много немцев. Они поют, веселятся, выходят во двор пострелять. Уборная во дворе одна на всех - и жителей, и немцев. Немцы не могут понять, как можно не иметь в доме уборной. Приходится и под стрельбу бегать на двор.

Я ходила в гости к Люсе. Отчим у нее вроде немец, но она чистая хохлушка, а числится немкой. У них во дворе тоже полно немцев. К ним приходят немцы - просто посидеть. Одного прозвали Чайковским за то, что он играет на губной гармошке. И еще совсем молодой, Гарри. Он из богатой семьи. Воевать не хочет. Хочет в госпиталь, чтоб не отправили на фронт. И еще один немец, но совсем не похож на немца. По-русски говорит чисто, лучше, чем русские. Нос курносый, глаза заплывшие, как у свиньи. Рассказывает странные вещи, как он переходил границу еще до войны и спокойно ходил по русским селам, переодетый в тряпье, потом шел опять к немцам. А как же наши пограничники? Почему они не трогали перебежчиков? Ведь он не один был такой. А может, он русский и ходил к немцам?

За этот год я уже много увидела и поняла. Зачем эта война? Ведь не хотят немцы умирать, и наши не хотят. Зачем столько жертв? Зачем голод, холод, расстрелы? Мы бросили квартиру, сейчас живем в бараке. Все разрушено. Свои взорвали Ялту - самый красивый город, свои разорвали душу. Зачем меня хотел убить свой советский летчик на Набережной? Я ведь ничего не сделала плохого никому. И папа не сделал, он всегда помогал людям. И мама - самый честный человек на свете. Когда я была маленькой, то любила заходить в кондитерскую, где пекли за-

мечательные пирожные. Запах шел по всей округе. Кондитерская принадлежала Военторгу, а мама была главным бухгалтером. Когда мама узнала, что я почти каждый день захожу угощаться, то тут же оплатила все, что я могла съесть.

Я никому не показываю свой дневник, даже маме.

31 декабря. Мама с папой ушли встречать Новый год к дяде Вале. Мы с Жаном по своим комнатам, переговариваемся через дверь. Нас заперли. Немцы встречают Новый год, и мама и тетя Аня боятся, чтоб к нам никто не пришел. Особенно после истории в Ялте, когда пьяный немец хотел меня пристрелить. Здесь у нас карбидные лампы воняют страшно. Но зато светло, не сравнить с копилкой, с которой мы сидели под лестницей в Ялте. И вообще здесь вся жизнь другая. Есть магазины, по карточкам дают немного хлеба, крупы и даже немного повидла. Есть бесплатная столовая. Там можно поесть или взять домой. Обычно дают суп с пшеном, кильку и кусок хлеба. Иногда вареный бурак с постным маслом и уксусом. И еще магазин частный. Хозяин летает в Румынию и Германию. Продаются очень красивые брошки, кольца, чулки, белье. Дорого. Мама говорит: «Нечего всякую дрянь покупать».

Папа работает в областной поликлинике. Зарплата небольшая, но он находит частных пациентов. Пока мы ничего не можем купить. Но уже не голодаем. Кое-что привезли из Ялты. Едим кашу из пшеницы, фасолевый суп. В комнате есть плита, и мама готовит в комнате.

Дядя Валя дал немного меда, у него большая пасека. Было много меда, он спрятал от немцев, закопал в саду у бабушки. Но соседи донесли, пришли немцы, мед откопали и забрали 2 тонны. Дали расписку, что взято на нужды армии. Теперь он ждет нового урожая. В Ялте мы пили чай с сахарином. Это такая гадость. Сахарин отдает металлом.

1943 год

10 января. В школе нам дали абонементы, чтоб ходить бесплатно в кино. Картины немецкие такие интересные. Я посмотрела уже две: «Коза Тедри» и «Индийская гробница». В кинотеатре продают фотографии немецких артистов по 5 рублей. Мировые фотографии. Какие платья! Я таких никогда не видела. А на одной артистке брюки и свитер. Вот бы мне такие. Я ведь до 10 лет ходила в коротких штанах из-за того, что лазила по деревьям, дралась с мальчишками и без конца то падала, то царапалась, то тонула. У нас был огромный двор. На верхнем - мы не играли. Большой двор средний. Там мы играли в чурки-палки и жмур-

ки. И еще был двор-сад. Там была сцена, стояли скамейки, и была масса цветов. И еще были качели и огромная шелковица. Вот оттуда я и летала. В среднем дворе были развалины после землетрясения. Там мы строили халабуды и играли в дочки-матери. Еще мы любили играть в самом низу под сараями. Иногда там мы находили старые монеты и камушки. Однажды я нашла очень красивый камень зеленовато-голубой. Потом сменяла его на стеклышко и листки сирени. Мама ругалась, как же давно это было. Как сон. Теперь во дворах не видно детей и никто нигде не играет. В Ялте и на улицах бывало - никого не встретишь. А здесь, на Пушкинской, много народу. Гуляют и русские, и немцы. И девушки с немцами. Офицеры не гуляют. Они сидят в казино. И на других улицах есть народ. Старые - сидят у своих ворот. Рассказывали, что когда немцы взяли Севастополь, то пленных моряков запрягли, как лошадей, и заставили тащить трамвай с пьяными немецкими подонками.

21 января. Папа ходил в домоуправление, дал кому-то взятку. Теперь ему ищут квартиру. Квартир много, но и немцев много. После Сталинграда очень много в госпиталях и на отдыхе. Писать неохота. Не о чем и некогда. С утра иду в школу, потом в кино. Вечером на кофейной мельнице мелю пшеницу, потом иду в гости к Ольге или Люсе. Там играем карты или на пианино. Мы живем на одной улице, так что комендантский час не страшен. Когда у них бывают солдаты, то кто-нибудь нас разводит по домам. На днях Чайковский показал карикатуру. По углам листа бумаги 4 свиньи и надпись: «Кто самая большая свинья?» Когда лист сложили, то получился портрет Черчилля. Неужели многие немцы не любят Гитлера и хотят только домой? А ведь нам говорили, что все они убийцы, грабители, и рисовали плакаты - немцы с рогами. А эти смеются, рассказывают, какая прекрасная Германия и как мерзко на фронте. Почему нас в школе обманывают?

12 февраля. Кажется, мы скоро переедем. Папе дали ордер на квартиру в доме специалистов. Он дал управдому отрез материи из своих запасов военного обмундирования. На эту квартиру дали ордер немцу-офицеру, но служит он в румынской армии. Папа повесил замок, а он повесил свой. Жена дядя Вали говорила с ним. Сказала: «Вы уйдете, а мы здесь навсегда». Немец ей в ответ: «У доктора много денег, он их под матрац кладет, вот ему и дали ордер».

14 февраля. Мама пошла к коменданту. Говорила с ним по-французски, комендант подписал нам ордер.

25 февраля. Мы уже переехали. У папы теперь есть кабинет. В спальне поставили две кровати и мне диван. И столовая. Пол паркетный. Но немцы, которые жили до нас, покрасили чем-то черным, наверное гуталином. Я сколько ни терла, не смогла оттереть. В квартире холод. Когда-то было центральное отопление. Теперь оно не работает. Прихожу из школы и не могу согреться.

В доме живут почти одни немцы - генералы и офицеры. На нашей площадке профессор Бельский - глазник, его сын - хирург. Они работают в областной больнице. Наверху полицай. На 1-м этаже художник Самокиш. У него живут жена Айвазовского - черная и злая и еще смотрители музея Айвазовского в Феодосии - Бризгалы. Когда я иду в школу или обратно, то высовываются в дверь и тут же захлопывают. Что они хотят? У самого Самокиша мастерская в соседнем доме. Одну комнату у них занимает немец майор. Еще у них кот и попугай. Попугай все понимает и говорит.

1 марта. По утрам, когда я иду в школу, денщик генерала здоровается и говорит мне пароль. Я уже два раза ходила в театр. Приезжают артисты из всех стран. Идут и наши спектакли. Смотрела «Маленькую шоколадницу» и ревью из Парижа. Так здорово. Такие костюмы потрясные. В театре в фойе две двери. В одну входят немцы, в другую - русские.

Здесь у меня новые подруги - Тамара и Рита. Они красивые, а я и некрасивая, и плохо одета. Пальто, которое носила в 5-м классе, из драпериюги. Оно уже короткое и тесное. Юбка тоже из старого платья. Мама говорит: «Вырастешь, тогда будешь носить что хочешь».

Папа стал хорошо зарабатывать. Мама ходит на базар. Там можно купить все. Хлеб белый круглый стоит 800 р., масло сливочное 1000 р. Мама покупает даже мясо. Уже не собака и не козлятина.

12 марта. В школе скучно. В классе, наверное, 70 человек. Одни девочки. Сегодня тепло. Учиться неохота. На уроке истории наш «капелька» делал переключку, а мы по очереди высказывали в окно. Когда он дошел до моей фамилии, «капелька» поднял голову. Нас оставалось человек пять. Но мы все равно все хором убежали. Дома меня отругали за неуважение к учителю.

20 марта. Вдруг появился Виктор Иванович в немецкой форме. Приехал откуда-то с севера. Папа был страшно недоволен его появлением. Виктор Иванович тоже смущен, говорит, что после того, как сдал свою книгу в печать, его пригласили познакомиться с несколькими русски-

ми офицерами. Они создают русскую освободительную армию с тем, чтоб после войны помогать строить новую Россию. Говорит, выхода у него не было. Как всегда, он разговаривает снисходительно. Папа не переносит. У папы много новых знакомых. К нам приходят по вечерам играть в преферанс. Мама не играет. Приходит главный врач Крыма Радзиловский. У них с папой какие-то дела.

15 апреля. Весна. Тепло. В квартире потеплело. Позеленели деревья. Где-то идет война. Умирают люди. Рассказывают ужасы о немецких концлагерях, об Освенциме. Туда сгоняют людей эшелонами из всех стран. Уничтожают в газовых камерах. Какой ужас! За что? Почему кто-то кого-то убивает? (...)

1 мая. Раньше мы праздновали, а теперь все дни одинаковые. Меня поставили на учет на биржу труда. Поставили штамп «безработная». После окончания школы могут забрать на работу в Германию. Мне нет 16 лет. Поэтому не берут. Мама пошла работать в поликлинику - учеником техника. Лишь бы числиться на работе.

Папа стал пить. Не переносит немцев, хоть теперь они совсем другие. В доме нас никто не притесняет. Немцы здороваются, как добрые соседи. Папа ходит в своем форменном морском кителе. Мама только обшила пуговицы синей материей. Правда, у папы и нет ничего другого. Свои костюмы он отдал еще в Ялте военнопленным морякам, когда они сбежали из плена. А теперь шить негде и не из чего. Тогда он об этом не думал, а ждал, что немцев вот-вот прогонят.

Война идет уже почти 2 года. Немцы очень быстро наступали, но очень медленно отступают. В городе по-прежнему полно немцев и румын. Немцы занимают центр, а румыны - на окраинах. Немцы к румынам относятся с презрением. Румыны тоже их ненавидят, но своей жестокостью хотят показать, что они что-то стоят. Румынская сигуранца хуже гестапо. А солдаты воруют. Немцы по домам не ходят и ничего не берут.

20 мая. Школа закончена. Делать нечего. Каждый день хожу в кино. В театр через день. Там все время новые программы. По вечерам часто собираемся то у Люси, то у Ольги. Папа не разрешает собираться у нас. У него постоянно какие-то люди, пьют и о чем-то шепчутся. У папы вывеска на парадном. Он принимает дома пациентов. Мама злится, ей приходится убирать, а деньги папа куда-то деваает.

16 июня. Вчера нас послали собирать розы на плантации. За килограмм лепестков платят 20 марок. За весь день я получила 50 марок.

8 месяцев силами морской пехоты, артиллеристов береговой обороны и местных жителей удерживался Севастополь от натиска 200-тысячной ударной армии фашистских войск.
Фото East News.

Вечером зашел Виктор Иванович. Подарил мне свою книгу «В застенках ГПУ» с надписью: «Зоя, в жизни встречаются не только розы, которые ты сегодня собирала на плантации, а и тернии, больно колющие душу и тело человека». Виктор Иванович говорит, что более честных людей, чем мои папа и мама, он не встречал. Живет Виктор Иванович в офицерской гостинице. Ходит в летней немецкой форме. Сегодня пришел в коротких штанах и рубашке цвета песочно-зеленоватого. Как-то странно, старый полковник, ноги с седыми волосами, и в коротких штанах.

25 июня. Прочла книгу Мальцева. Какой ужас! Чем же отличается ГПУ от гестапо? ГПУ даже хуже. Ведь мучают своих. То, что Виктору Ивановичу выбили зубы, ничто по сравнению с тем, как мучили женщин, как обливали водой и выставляли на мороз, или сажали в железный ящик почти голых летом в жару, или зимой в сильный мороз, когда можно там только ходить по раскаленному железу, или по замороженному. Многие этого не выдерживали. Или на беременных женщин запускали тупых охранников. Те издевались, пока женщина не умирала. Как можно такое пережить? Куда смотрел Сталин, разрешая эти дикие концлагеря? А мы еще верили, что наша страна самая лучшая. Если бы меня посадили, я бы сразу повесилась.

16 июля. Сегодня мой день рождения. Папа подарил часы, мама спекла пирог. Гостей нет. Почему никогда не празднуют мой день рождения?

Мама пригласила на дом портниху. Мне, наконец, сшили пальто из папиного военного сукна и несколько платьев - из маминых старых, и два новых из белого полотна, и голубое шелковое. Мама сто раз сказала, чтоб я его берегла, и мне не хочется его видеть, не то чтоб надевать. Почему мама такая суровая?

Папа пьет. Те, кто с ним пьют, над ним смеются. А знакомые осуждают маму и папу за то, что я у них, как Золушка. Плохо одета, делаю по дому всю работу, а меня все равно ругают. Папа зарабатывает много, а мне никогда не дают деньги. Хорошо, что хоть кино по абонементу. Хочу идти работать. Папа не пускает.

Люська работает в немецком магазине, Лилька в аптеке, Ольга в госпитале. Лилька приносит медикаменты. Я продаю их папе. Он не знает, что мы с Лилькой делимся. А потом папа кричит: «Где ты берешь деньги?» Люська тоже просит иногда что-нибудь вынести из магазина.

Не дай Бог, поймают, тут же повесят. А мне все равно, я никому не нужна. (...)

5 сентября. Меня вызвали на комиссию. Забирают в Германию девчонок. У Люси живет на квартире немец. Мы плачем, а он нас успокаивает. Люську не возьмут, она по документам немка. А мы с Лилькой попадем. Дядя Ганс нам сказал, что даст адрес, и мы поедем к его жене.

8 сентября. Вчера была на комиссии. Сначала нас смотрели русские врачи. Папа договорился со своей знакомой, она сумела дать мне 3-ю группу. Это означает сельские работы. Девчонки пришли в грязных платьях, измазанные. Им давали 1-ю и 2-ю группы. Это подземные заводы, шахты и химия. 3-я группа должна пройти немецкую комиссию. Я пошла, за столом сидят три немца - врачи. Тот, что посередине, лысый, розовый, с голубыми глазами, просит показать руки. А у меня маникюр.

Он спрашивает: «Что ты умеешь делать?» Я ответила: «Играть на пианино». Он: «А что ты играешь?» Я: «Больше всего люблю Штрауса». Он: «А кто твой папа?» Я: «Врач».

Он взял мои документы, перечеркнул и написал: 5-я группа. Значит, освобождена. Еще спросил, откуда я знаю немецкий язык. Я сказала, что у меня была немка-гувернантка. Он пожелал мне успехов, и я ушла. Ольга и Лиля работают. Им Германия не грозит. А мне повезло.

6 октября. Пришла последняя жена Мальцева. Просит пойти с ней в гестапо. Виктор Иванович в Летцене. Он уже начальник штаба воздушных сил Р.О.А. Она хочет уехать к нему. Она совершенно не знает языка и хочет, чтоб я помогла ей получить пропуск. Я пошла с ней. Ворота открыты, стоит сонный часовой. Я сказала, что мы идем за пропуском. Он махнул рукой, и мы прошли. В какой-то комнате мы увидели двух немцев на кроватях. Тут же стол с едой. Я сказала, чего мы хотим. Один из них встал, взял у Нэли бумаги, подписал, поставил печать. Мы ушли. Маме я ничего не сказала.

31 октября. На улице тепло. Мы ждали, что наши войска войдут, а они прошли мимо на Одессу. В воздухе пахнет осенью. Не верится, что где-то война. Два года назад в Ялте, когда наступали немцы, было холодно, пасмурно, а сейчас мы ходим в летнем. Теперь мы в осажденном Крыму. Немцы ждут какого-то нового оружия.

10 ноября. Папу вызвали в гестапо. Мы даже не знали, что он освобождает людей из концлагеря. К нему приводят из концлагеря заключенного, он в кабинете его переодевает. В лагерь идет другой, в лох-

мотьях и с перевязанной щекой. Трое из освобожденных - врачи. Уже работают в этой же поликлинике. Когда папу заподозрили в обмане, то он сказал, что ничего не знает и пусть конвойный сидит не в коридоре, а у кресла. Папу отпустили, но он все равно помогает. Много денег отдает кому-то. К нам часто ходит Радзиловский. Они пьют с папой. Радзиловский постоянно расстроен, жалуется папе и пьет. На днях спал у нас на балконе, на полу.

25 декабря. Рождество. Папа развеселился. У нас его друзья. Папа хорошо напился и стал танцевать и топать. Пришел адъютант генерала. Просит не топать - генерал отдыхает. Папа ему говорит: «Я майор, и хочу праздновать по-русски». Второй раз опять пришел и просит топать потише. Папа ему: «Я подполковник». Потом пришел сам генерал. Папа ему говорит: «Я полковник». Генерал посмотрел на него пьяного и говорит: «Сейчас доктор еще выпьет и станет генералом» - и ушел.

1944 год

1 января. Мы ушли встречать Новый год. Я пошла к Лиле, а мама с папой к дяде Вале. Сегодня пришли, а у нас у дверей полно обгоревших спичек. Бежит адъютант и заявляет, что мы их утопили. Мы еще не открыли дверь. Пошли посмотреть. Вода дошла и на 1-й этаж. Немцы поднялись к нам. Передняя залита водой по щиколотку, и наша кошка бегаёт по воде. Она привыкла купаться, открыла кран на кухне и веселится. Генерал посмотрел и говорит: «У этих русских даже кошки ненормальные».

7 января. Вчера у мамы был день рождения. Пришел дядя Валя с женой и румыном, ее любовником, он у них на квартире, немец, который живет у бабушки. Она прислала его с поздравлением и подарком. Петр Лещенко - он в гражданскую служил с любимым маминым братом в белой армии - с мамой был тогда знаком. Как всегда «случайно», зашел Радзиловский с женой. Он не знал о дне рождения. Лещенко спел несколько песен. Он теперь майор румынской армии. Небольшого роста, плешивый, а поет здорово. Он очень удручен. Сказал маме, что не ждет ничего хорошего. У него молодая жена, жизнь не радует. Прожил на чужбине столько лет, а мечтает хоть умереть в России. Предчувствие самое плохое. (...)

27 марта. Появился Виктор Иванович. Он теперь в погонах. Высокий, надменный. Поблагодарил за помощь Нэле. Он прилетел из Летцена. Летел сложно, через Румынию. Говорит, что скоро придут наши.

Мне сказал: «Никогда не бросай Родину», а папе сказал: «Немцы нас обманули, мы - пушечное мясо. Они хотят загрести жар чужими руками. Но теперь выхода нет, придется идти до конца». Сказал, что немцы ждут чудодейственное оружие, которое перевернет весь ход войны. А что за оружие, никто не знает. Ему надо было где-то кому-то читать лекцию, но он сказал, что это только проформа. Он недоволен своим положением.

8 апреля. Пасха. Мы все собрались у бабушки. Немцы, что стоят на Красной Горке, собираются эвакуироваться.

9 апреля. Ночью бомбили. Бомба разорвалась под моим окном. Меня засыпало стеклами. Мама встала, зовет в бомбоубежище. Я ей говорю: «Это ветер». И заснула дальше. Папа напился и ничего не слышит.

11 апреля. В эту ночь мы спустились в подвал. Там много немцев. Бомбили. По улицам бегают каратели из чеченцев и ингушей. Немцы их тоже боятся. Хотели ворваться к нам в подвал, но немцы их прогнали. Они повесили на столб какие-то пакеты. Немцы их сорвали. И еще подожгли сарай. Потушили. (...)

13 апреля. Ночь прошла спокойно. На улице ни души. Мама послала меня узнать, что с ее любимой сестрой. Идти надо было с километр до ул. К. Либкнехта. Я пошла. Нигде никого нет. По улице валяются бумаги. Все дома целенькие, хоть и бомбили, да прошли каратели. На улице К. Маркса вдруг выскочила открытая машина с офицерами, по бокам солдаты с пулеметами. Они на полном ходу свернули на нашу улицу. Крикнули: «Где дорога на Севастополь?» Я махнула рукой, и они умчались. Это была последняя встреча с немцами. Я пошла к тетке. Через час я вышла - на улице полно наших. Кто-то из солдат что-то сказал про мою мать. Я не поняла. На улице Толстого висела афиша «Джордж из Динки-джаза». Я решила посмотреть фильм. Он шел с перерывами очень долго. Дома мне хорошо влетело.

15 апреля. На улицах полно наших солдат и офицеров. Они теперь в погонах. И еще полно людей с красной ленточкой. Говорят, что это партизаны. Наш директор школы тоже с ленточкой.

20 апреля. Нас сняли с занятий, послали в госпиталь ухаживать за ранеными. Они теперь из Севастополя. Большею частью нацмены. Госпиталь в каком-то бараке. Раненые лежат на полу, на соломе. Грязь и вонища.

26 апреля. У нас на квартире живет один майор из Москвы. Он из

проектного бюро. Как только возьмут Севастополь, его тут же будут восстанавливать. Уже все готово. А в Севастополе ужасные бои. Папа страшно переживает. Он всегда болеет за Севастополь и за моряков. Все-таки он моряк с 1913 года. Хоть и учился на врача в Ревеле, потом служил лекарем то на кораблях, то на подводной лодке, то в морском госпитале, пока в 1938 году ему пришлось уйти в отставку. В Севастополе пересажали ужасно много моряков. Папе какой-то следователь-пьяница посоветовал уйти. Больше папу не трогали. Он уже не враг.

10 мая. Севастополь взяли. Наш майор сегодня уехал. Наконец-то у нас все кончено. Уже почти мирная жизнь. Но на базаре исчезли продукты. У папы много больных. В основном военные. Носят продукты, немецкий шоколад. Наверное, наворовали на складах.

19 мая. Ночью был переполох. Шум, крики, стрельба. Мы выскочили на балкон. Люди в военной форме вытаскивали и заталкивали на грузовик наших новых соседей - татар. Это довоенное правительство Крыма. Они только несколько дней, как приехали. Утром я побежала к Рите. Их тоже забрали. Квартира открыта, все валяется. Я хотела забрать свои ноты, но не нашла и скорее убежала. Оказывается, в эту ночь собрали и выслали всех татар. У Риты отец был партизан. За что же ее выслали?

24 мая. Папу вызвали в прокуратуру. Прокурор требует освободить квартиру. Нам дают по ул. Гоголя четыре комнаты на 1-м этаже, удобства во дворе. Папа отказался.

1 июня. Папу и маму вызвали опять 26 мая. Больше я их не видела. Они в тюрьме. Два дня шел обыск. Следователь - женщина совала себе под жакет чулки, мамины блузки. Все описали. Меня выгнали. Я успела вынести продукты к тете Ане и несколько платьев. Мне дали железную кровать, одеяло и зимнее пальто. Остальное разграбили. Квартиру занял прокурор.

15 июня. Каждый день ношу передачи в тюрьму. Просиживаю целые дни. Арестовали дядю Валю.

16 июня. Тетка меня выгнала. Сказала, что я дочь арестантов. Пока пошла жить к бабушке.

27 июня. Вчера пришли НКВДешники. Дали 20 минут на сборы и выслали деда с бабушкой. Дед - болгарин, ему 84 года, бабушке 76 лет. Они не могли влезть на грузовик. Их закинули, как мешки.